

А. В. Захаров

**«Боярская дума...» В. О. Ключевского:
метафоричность и доказательность историка**

Размышления над формами научной речи историка и доказательностью выдвигаемых утверждений еще в середине XX века получили статус философских, выходящих за рамки конкретно-исторических и методологических построений. Анализ структуры исследовательского процесса не обходится для современных специалистов без обращения к понятийному аппарату лингвистики и аналитической философии истории. Незаменимое в этих дисциплинах понятие «нарратив» приобретает существенный смысл при объяснении закономерностей историописания, составляющих феномены «добывания», интерпретации фактов и репрезентации научного текста. Одна из возможных трактовок понятия «нарратив» кажется плодотворной в следующем понимании: это повествование, отличающееся законченностью структуры, последовательностью и отражающее индивидуальную авторскую культуру составления текста. В другом смысле «нарратив» служит, явно или неявно, выражением способа восприятия истории (исторической парадигмы), то есть является практикой на протяжении смены одного или нескольких поколений исследователей. Изменяемыми частями нарратива можно считать как систему утверждений и доказательств, так и форму представления читателю исторической информации. Даже в случае радикального отрицания понятия «нарратив» историк выражает лексически предпочтительные для него формы коммуникации или имплицитно — отношение к языку научного сообщества и к не подготовленному специально читателю. Попытки удовлетворительно объяснить коммуникацию между читателем научного произведения и создавшим его историком, «взаимодействие» последнего с автором исторического источника, конечно, не заканчиваются критикой отдельных дефиниций и концепций нарратологии. Критики аналитической философии истории наилучшим образом раскрыли тернистый путь поиска оптимальной аргументации, риторики и критериев доказательности историка¹. Вслед за этим усиливается звучание конечных вопросов: в каких случаях теоретизация истории продуктивно влияет на историографическую культуру и какие условия позволяют историку быть «вольным художником» в выборе форм речи для выражения исторического

знания? Перечисленные проблемы остаются дискуссионными, а в рамках данной статьи хочу заострить внимание лишь на двух сегментах осмысления этих многомерных и разноуровневых задач. Насколько может быть точен историк, использующий в своем произведении особые приемы иносказания — тропы (метафору, метонимию, оксиморон) — и стилистические фигуры речи (эпитет, сравнение, гиперболу)? Каковы мотивация и последствия инъекции в историографию неологизмов? Остановлюсь на примере «классических» текстов В. О. Ключевского, которые известны различными формами презентации нескольких сюжетов.

Для многих представителей социогуманитарных наук XX века языковой стиль В. О. Ключевского оставался образцом передачи исторического знания. Совершенством его изложения восхищались академики М. М. Богословский, М. В. Нечкина, Л. В. Черепнин, Д. С. Лихачев. Одновременно подчеркивалось, что создание удачного художественного образа должно стать важной функцией в творчестве историка². Приемы передачи образов исторических персоналий и фактов для многих поклонников выдающегося историка давно служат примером самобытности или совершенства. Известны доводы сторонников противоположного полюса в оценке исторических художественных сравнений и образов. Среди резких критиков Ключевского в этом вопросе выделялся академик М. Н. Тихомиров³.

Ростки художественного восприятия Ключевского распознаются в его ранних письмах, с университетской поры. Первое послание новоиспеченного студента к другу, «молодому стоику Порфириусу», начинается так: «Я, наконец, разламываю печать молчания и пишу... Но после этого великолепного тропа меня бросает в холод пространство, на котором я предназначил себе пройти...»⁴. В дальнейшем недавний слушатель духовной семинарии вряд ли жаловался на пройденный курс риторики. Научные сочинения — студенческую пробу пера — и позднейшие труды, несмотря на специфику предмета, адресность и динамику воззрений автора, объединяет яркая метафоричность языка. Докторская диссертация «Боярская дума Древней Руси» — плод длительных размышлений Ключевского, собиравшего материалы с лета 1872 года и выпустившего книгу весной 1882-го⁵. В журнальном варианте сочинения (публиковалось в 1880—1881 годах в «Русской мысли») автор прервал изложение временем регентства царевны Софьи. Четыре прижизненных книжных издания «Боярской думы» в отличие от самого раннего (журнального) дополнены семью главами — с 20-й по 26-ю. Третье издание (1902 года) оговаривалось как «пересмотренное»⁶. Правка текста продолжалась и в последнем прижизненном издании (1909 года). Одновременно Ключевским велась масштабная работа над «Курсом русской истории» — от подготовки рукописи в 1870-х годах до редактирования последних частей в 1907—1910-м⁷. Таким образом, перед нами первое сочинение с последовательным и законченным сюжетом о «судьбе учреждения в связи с историей общества». Второй труд, концептуально не менее широкий, посвящен осмыслению хода русского исторического процесса вплоть до реформ 1860-х годов. В четвертой части «Курса...», который адресовался многочисленной аудитории, история думы обновляется другими красками повествования.

При изучении форм деятельности и службы думных людей⁸ XVII — начала XVIII века кажется оправданным обращение к соответствующим главам

«Боярской думы...» и частям «Курса...» в постановке вопросов данной статьи. Еще два обстоятельства объясняют выбранный мной ракурс темы: первое — позиция самого Ключевского, считавшего принципиальным изменение характера думы после Смуты начала XVII века; второе — репрезентативность метафор и эпитетов Ключевского при интерпретации поздней думы и боярства. И, конечно, проблема не в количестве выявленных тропов, замысловатых литот или синекдох, а в их контекстной образности, отточенности в литературном плане и последующем внимании к ним историков.

В классической риторике к тропам (от греческого *tropos* — поворот) причисляются основные: метафора (уподобление одного предмета другому), метонимия (замена одного слова другим на основе связи их значений по смежности) и оксиморон (сочетание противоположных или контрастных значений)⁹. Современная риторика понимает троп уже не столько как соотношение значений слов, сколько как взаимодействие смыслов. Важно принимать к сведению множество теорий и классификаций тропов, решать вопрос совмещения последних в одном выражении. Необходимо разделять трактовки тропа различными науками: лингвистикой, литературоведением, стилистикой, психологией или, например, аналитической философией¹⁰, для которой важен не собственно троп, а высказывание, его содержащее. В историческом нарративе троп чаще всего понимается в предельно широком смысле — как любое понятие или выражение, употребляемое для большей выразительности сюжета в процессе познания прошлого. Такое понимание было бы неприемлемым для лингвиста, четко фиксирующего структуру тропа и семантическую сочетаемость его типов. Понятие, заимствованное у одной науки, в другой приобретает свою коннотацию. Таковы следствия междисциплинарного подхода, при котором ставится проблема ограничения заимствованных понятий. Тем более важно выяснять оправданность тропов в историческом нарративе. Излишне доказывать, что хороший историк, представляя свое творение, осознанно пытается быть понятным для читателя (слушателя) и точным, аргументируя «добытое» знание.

Классика метафор

Современные справочники и энциклопедические словари фиксируют природу всего разнообразия тропов. Применяя обороты или фигуры речи для большего изящества, писатель в лингвистическом смысле изменяет семантику слова — от прямого значения к переносному. Если для писателя-художника красота слога — желаемый результат, то для историка красок выразительности и благозвучия слова оказывается недостаточно. Напротив, иногда историческое повествование в академическом жанре приносит в «жертву» литературное достоинство текста во имя точности научного языка или его наукообразности. По всей видимости, Ключевский не противопоставлял поиск художественной образности и необходимость сообщить читателю критически проверенные факты. Наблюдения за ходом подготовки четвертой части «Курса русской истории» и пополнением «тетради афоризмов» убеждают, что искания В. О. Ключевского как историка и художника слова протекали в органической связи.

Обретение любой формы выражения знания, в виде тропа или простейшей номинации, закрыто плотной завесой — тайной рождения самой мысли.

Приоткрыть ее не всегда удается даже сквозь строки черновых записей и дневников писателя. Мы можем только предполагать мотивы изобретения образных высказываний. С большей точностью возможна реконструкция функций тропа и других приемов иносказания в задачах историка. Степень точности будет зависеть от корректности дешифровки тропа в контексте и логике замысла произведения. Для большинства повествований, ориентированных на читателя, взыскательного к литературным достоинствам текста, образные выражения выполняют морально-эстетическую функцию. Они подчеркивают изобразительность изучаемых предметов, явлений и символов, их качества в прошлом и в связи с настоящим. Стилистическая функция важна для само-рефлексии автора с позиции своеобразия творчества и отдельного произведения. Научный нарратив в XIX веке усиливал дополнительные, но особенно важные для историка функции тропа; условно назовем их дидактической, интерпретационной и оценочной. Все они тесно взаимосвязаны. Толкования гипотезы, частного обобщения и заключения соседствуют с обучением через наглядное объяснение и выделением характерных качеств объекта исследования. Без комментариев и оценок не обходятся выводы историка.

Значительную роль в наставлении читателя о понимании роли Петровских реформ играет одна из лекций «Курса русской истории», которую открывает раздел «Порядок изучения» (преобразований). Ключевский определяет период 1689—1708 годов как «самые тяжелые годы, когда заваривались наиболее крутые меры — военные, промышленные, финансовые...»¹¹. Великолепная метонимия «заваривались меры» привлекает внимание читателя, несет бремя концептуальной нагрузки, заложенной началом лекции. После длительной традиции изучения эпохи Петра I данное высказывание может и не вызывать возражений, за исключением мысли об эффективности пятилетней политики после падения царевны Софьи. Абстрактность метонимии не потребовала от автора точных расчетов, а соразмерность фразы предварила изложение административных реформ. Тактический маневр Ключевского в емкой интерпретации синтетического вывода завершился.

Одна из хрестоматийных метафор Ключевского — уподобление «боярской думы» ткацкому челноку, который «выводил редкую и грубую, но крепкую и выносливую ткань государственного порядка, умевшую выдерживать общественные потрясения, каких не пришлось испытать XVII веку»¹². Очевидно, каждый замеченный признак тщательно отбирался историком и не претендовал на окончательное умозаключение. Контекст этого выражения, а после него следует несколько предположений, показывает, что перед нами метафора-гипотеза. Доверие к ней усиливает откровенное заявление ученого о неполной ясности ведомства думы. «Большая часть этих темных подробностей, — пишет Ключевский, — вполне раскроется, когда лучше изучен будет огромный канцелярский материал, сохранившийся от старинных московских приказов и ожидающий дружных усилий многих исследователей». Прежде чем яркая метафора вошла в хрестоматию, она оживила изыскания коллег Ключевского. Гипотеза о «редкой и грубой ткани порядка», выводимой думой, не оставила равнодушной директора Московского архива Министерства юстиции Н. В. Калачова. Он поспешил сделать доклад о боярских приговорах на торжественном собрании Академии наук 29 ноября 1883 года¹³. Академик сенсационно заявил о количестве всех состоявшихся докладов и приговоров, которые «должны

простираться, по меньшей мере, до 100 тысяч» с половины XVI по начало XVIII века. Отправной точкой приблизительного расчета стало его собрание думских приговоров — до 2000 актов¹⁴. Калачов к тому же косвенно демонстрировал уровень представительности выводов Ключевского, иллюстрируя свою речь архивными материалами поздней эпохи боярства. Резюме докладчика о «чрезвычайной подвижности, но вместе с тем чрезвычайной практичности» думы могло бы стать ответом Ключевскому. Гипотезу академик воспринял как вызов, но автор «Боярской думы» предпочел не разворачивать дискуссию.

Подмечая стороны влияния правительственного устройства рубежа XVII—XVIII веков, Ключевский отмечал «рост господства лиц в ущерб учреждениям»¹⁵. В докторской диссертации он приводил сообщение английского капитана Перри о поручении царя управлять государством на время своего заграничного путешествия боярам Л. К. Нарышкину, кн. Б. А. Голицыну и кн. П. И. Прозоровскому. Согласно дневнику И. А. Желябужского, Москва была «приказана ближнему стольнику князю Федору Юрьевичу Ромодановскому» — знаменитому «князю-кесарю» и судье Преображенского приказа¹⁶. Эти сведения историк проверил по более поздним запискам кн. Б. И. Куракина, в толковании которого повелевалось «всем боярам и судьям, прилежать до него, Ромодановского, и к нему съезжаться всем и советовать, когда он похочет». Ключевский выделил курсивом: «*Стольник* стал председателем боярской думы!» и мгновенно смягчил свой возглас ссылками на А. А. Матвеева и И. Г. Корба, которые, кстати, не выделяли первенства Ромодановского в регулярных боярских съездах¹⁷. Стольников XVII века мы действительно не встретим даже на вторых ролях боярских собраний, поэтому ученый придал восклицанию форму гиперболы с оттенком иронии по отношению к статусу думы. Спустя годы этот возглас претерпел удивительную метаморфозу, превратившись в развернутое утверждение на страницах «Курса русской истории». «Князь-кесарь,— писал Ключевский,— облеченный чрезвычайными полномочиями по политическим розыскам, стал главою кабинета, председателем Думы, хотя не имел думного чина, был только стольником». В диссертации сведения Куракина, внесшего путаницу в хронологический ряд событий¹⁸, ставились под сомнение другими современниками. В лекциях «свидетельствами» думного председательства «князя-кесаря» преподносились записки Куракина и челобитная прибыльщика А. А. Курбатова, почерпнутая из контекста других событий¹⁹. Приведенный фрагмент повествования отчетливо демонстрирует, как Ключевскому могли бы помочь усиленные архивные изыскания в рамках подобных сюжетов, насколько шаткими оказались конструкции, возведенные на слабом фундаменте источников личного происхождения (мемуаров, дневников и нескольких писем). Делопроизводственные документы приказов, известные уже архивистам конца XIX века²⁰, доказывают только первую часть утверждения Ключевского о «князе-кесаре», «облеченном чрезвычайными полномочиями по политическим розыскам», что неоспоримо²¹. Но важно различать боярские съезды полного состава марта 1697—1701 годов и так называемые консилиии 1702—1711 годов, а следовательно, и степень участия в них кн. Ф. Ю. Ромодановского. Сохранившиеся пофамильные списки приглашенных думных людей (повесточные сказки) не отмечают регулярного присутствия князя на съездах в палатах Кремля до 1702 года²². В случаях, когда темой боярских

съездов становились стрелецкий розыск или вообще дела особой важности из ведомства «князя-кесаря», думные люди приглашались в село «Преображенское, в приказ ко князю», «на Генералской двор с колодники»²³. Как приказный судья, располагавший редким доверием Петра I, Ромодановский заседал в консилиях. В числе других²⁴ он часто объявлял боярам-министрам царские указы по интересам своего ведомства. Таковы многочисленные письма Петра I и ответы на них Ромодановского об «астраханских ворах», «булавинцах», по делам Артиллерии, которым необходимо было «решение учинить с общаго совету з бояры». Работы «князя-кесаря» в консилиях умножилось с назначением его судьей Сибирского (1703—1706 годы) и Артиллерийского (с 1703 года) приказов. Но интонация тех же писем отнюдь не выдает его «верховного» положения — «бояря ж говорили мне, чтоб... дать денги за порох», «а во время съездов з бояры в полате и я был»²⁵. Неформальное лидерство «князя-кесаря» или высшие полномочия в консилиях не зафиксированы источниками.

Фразу Ключевского о думном председательстве Ромодановского скорее можно принять за синоним постулата о «господстве лиц в ущерб учреждениям», чем понимать ее буквально, без должной критики сообщаемых известий. Авторитет историка сообщил долгую жизнь «противоречивой» гиперболе, которую затем без расшифровки повторил академик М. М. Богословский²⁶, тиражировали другие историки, без привлечения дополнительных аргументов.

Традиционный эпитет

В окончательном варианте заглавия докторской диссертации В. О. Ключевский выразил свое отношение к традиционному научному названию предмета. Он учел возможную реакцию читающей публики — предпочел простоту восприятия титульной строки ее концептуальной важности. Черновой вариант заглавия книги — «Политическая история боярства» — говорит о весомости стратегической проблемы. Авторитетный биограф Ключевского выявил в перемене новаторской постановки иные мотивы. Вероятно, вспоминая эпизод магистерского диспута, осторожный сочинитель хотел исключить осложнения. Желание перед защитой диссертации максимально обезопасить себя, «сгладить углы», как пишет М. В. Нечкина, сделало свое дело: «...он подметил опасные места, излишне отважные формулы, многозначительные намеки и прямой вызов к научному сражению. Нет, сражения он теперь не хотел. Все “опасное” он погрузил в молчание. Концы мыслей, выводы сохранялись»²⁷.

Так, на титульном листе книги вновь появился неологизм «боярская дума», обозначающий и боярство. В начале 22-й главы Ключевский констатировал «обычные деловые» названия боярского совета XVI—XVII столетий: «дума», «бояре», «палата», «сидети с боярами в думе», более торжественный термин из актов духовных властей — «синклит». Из памятников времен Ивана Грозного и Смуты ему встречались выражения «с думою бояр», «синклития», «царский совет» и «сенат»²⁸. В одном из пространственных примечаний он цитировал «нарек на то, что она называлась боярской думой» (*boarstva dumna* в записках англичанина Джильса Флетчера). Здесь же ученый сделал предположение: «Если под этими звуками скрывается *боярская дума* (курсив Ключевского.— А. В.), то, значит, этот термин, не встречающийся в наших памятниках, употреблялся на языке московского общества XVI в.»²⁹. Действительно, вплоть до начала

XVIII века документально прослеживаются все упомянутые слова с дополнениями и вариантами, но никогда мы не встретим термин источника — «боярская дума». Ключевский это отлично знал, хорошо знают и современные историки. В логике построения авторского нарратива заметно влияние историографической традиции. Правда, большинство историков XVIII века предпочитали другие названия боярских съездов. В. Н. Татищев обыкновенно перебирал несколько терминов, главный из которых он лаконично расшифровал: «Дума называлось Совет или Сенат»³⁰. В «Разговоре двух приятелей...» выделяются интересные вариации: «несколько из Сената бояр, околничих и думных дворян присутствовали»³¹, «Росправная полата была учреждена, где для облегчения Сенат или по тогдашнему званию полата и дума именована...»³². Ассоциации шепетильного Г. Ф. Миллера, хорошо знакомого с изысканиями Татищева, не нуждаются в комментариях: «*думные люди* — бояре, окольничие и думные дворяне, — потому что из сих составлялся *Верховный царский совет*, по тогдашнему *Большая дума* и *Росправная палата*... Члены Верховного государственного совета *палатными людьми* именуемы были по государевым палатам, в коих собирались; *думными* от слова *Дума*, которое ничего инаго не значило, как *советование*» (курсив Миллера)³³. Однозначнее определялся в своем выборе М. М. Щербатов. Рассуждая о роли и судьбах боярства, он оперировал словом «боярин», наиболее сопоставимым с терминами актов XVII — начала XVIII века, не требующим перевода для человека екатерининской эпохи. Исторический нарратив XVIII столетия оказался наполнен терминами, которые вызвали соответствующий ассоциативный ряд у читателей. Естественные аналогии возникали у самих писателей, помнивших историю Верховного тайного совета, современников Сената и «присутствий».

Словосочетание «боярская дума» получило широкое распространение в сочинениях Н. М. Карамзина, а после С. М. Соловьева и историков-юристов было принято Ключевским. Давление авторитетных историков первой половины XIX века и последующей традиции в употреблении неологизма было настолько сильным, что Василий Осипович, цитируя Татищева, своеобразно отмечал: «...определены были люди знатные и в приказных делах сведомые, которые все не решимы по Уложению дела разсматривали, законы исправляя или вновь сочиняя, во общем собрании сената (боярской думы) [скобки Ключевского.— А. В.] решали»³⁴. Почему же неологизм «боярская дума» возник только в сознании историков конца XVIII века и не встречался внимательно-му Ключевскому в аутентичной форме? Историки до сих пор уклоняются от внятного ответа на данный вопрос или не акцентируют его. И это справедливо, ведь подобие ответа, «пока не выявлены источники, содержащие точно такой термин, что не исключает его бытования», не кажется удовлетворительным. Но если мы иначе сформулируем вопрос: существовало ли это именование думы при царе? Объяснение появится. Наречение жителями Московии царского совета боярским сообщило бы ему недопустимое качество. Учитывая политические нравы той эпохи, можно ли представить, как думная палата, привыкшая «действовать только при государе и с ним вместе», приобрела оценку «*боярская дума*», умаляющую государеву честь?

Точно передает смысл боярской службы государю подлинный термин «дума бояр». Эту лингвистическую тонкость историка середины XVIII века транслировали с наименьшей аберрацией, сохраняя понимание политического

контекста жизни боярства. Хотя К. А. Неволин еще в 1840-х годах различал «Большую Земскую Думу», «Царскую Думу» и особую «Боярскую Думу», действующую с чрезвычайной властью³⁵, все же постоянный эпитет «боярская» закрепился в историографии в последнем сочетании. Вне пределов академического научного нарратива XIX века синонимичные словосочетания окончательно слились. Такая ситуация оказалась удобной для профессиональных историков, считавших главным различать природу «древней», «княжеской», «царской» думы. Однако распространение в исследовательской среде одного словосочетания, ставшего однажды монолитной хрестоматийной вывеской, сгенерировало камералистский подход историков-«государственников» и их позднейших критиков. Даже в построениях В. И. Сергеевича, долго не признававшего в практике боярских съездов постоянного учреждения, дума становится «высшим в государстве судебным учреждением, поставленным над приказами»³⁶. Далее вольное обращение большинства историков XIX века с аутентичной терминологией привело к закономерным искажениям смысла и природы традиционных учреждений. Тем самым иногда неуловимые, но качественно отличимые грани между рациональными учреждениями Петра I (с постоянным штатом, регламентом, компетенцией, иерархией должностей) и институциями XVII века стирались в исторических повествованиях XIX столетия. Прямые аналогии думы с учреждениями, современными Ключевскому, многократно встречаются на страницах его докторской диссертации.

Повороты «тропического» стиля

Приблизить научное сочинение к читателю, заинтересовать им студента-первокурсника или искушенного критика было по силам талантливому приват-доценту историко-филологического факультета. Подходя к профессорскому званию, Ключевский исключал следы явной спешки в оформлении последних частей текста. Поэтому случайных сравнений и эпитетов мы в них не встретим.

Верифицировать через полуоттенки отдельных фраз концептуальные утверждения Ключевского помогает частотный словарь синонимов неологизма «боярская дума». Корректность подобной статистики задается учетом смыслового контекста в обозначении «бояре» как съезда думных людей³⁷. Частотный анализ описания действия думы XVII века дает неожиданные открытия. Лексика XIX века представляла бывшему воспитаннику духовной семинарии, историку-филологу, теснимому багажом «историко-юридической школы», богатый выбор синонимов центрального термина. Вот наиболее часто употребляемые аутентичные аналоги из последних семи глав диссертации: «дума», «думные люди», «бояре», «совет», «сидение»³⁸; и неологизмы — «заседание», «присутствие», «члены думы (собрания и т. п.)»³⁹. Другие популярные формулы древних памятников — «съезд», «палата»⁴⁰ — вне цитирования источников встречаются в тексте довольно редко. Ситуация, вероятно, объясняется исследовательским приемом Ключевского, который в некоторые подлинные названия вкладывал иной смысл. Особенно заметно, как слово «палата» в подавляющем большинстве случаев означает Расправную палату (особую боярскую институцию 1680—90-х годов). Глагол «съезжаться» вне цитат из исторических источников употреблен один раз. Слова, однокоренные термину «съезд»,

всегда у Ключевского адресованы к «консилиям министров» начала XVIII века. Ученый свободно ориентировался в опубликованных источниках XVII столетия, неоднократно прочитывал подлинные синонимы известного неологизма, но читатели не встретят избыточного их употребления в докторском сочинении. Архивные источники, в том числе недавно введенные в оборот, подтверждают активное бытование этих терминов в XVII веке⁴¹.

Для неподготовленного читателя В. О. Ключевский использовал тактику сопоставления историзмов и архаизмов с «альтернативными» названиями реалий настоящего. Разворачивалась цепная реакция сравнений: управителей центральных приказов «можно назвать директорами департаментов», городского воеводу — «военным губернатором области», думного разрядного дьяка — «статс-секретарем военного департамента государственного совета». Конечно, эти аналогии нельзя признать удачными сопоставлениями или эпитетами. В примере со «статс-секретарем» применено тройное приближение, одним росчерком пера дьяк превращен в чиновника иерархической законосовещательной структуры. Вывод «дума сама собой превратилась в тесный совет министров»⁴² всего лишь завершает мысль о постепенном заполнении думы судьями приказов. Автор применил и более тяжеловесный прием приближения думы к читателю: она «становилась собранием председателей департаментов государственного совета и главноуправляющих разными отдельными частями, принадлежащими к общему приказному устройству»⁴³. Подобная манера Ключевского — возведение в высокую степень повторения — оказывает психологический эффект: древняя практика управления отождествляется с административной пирамидой позднего самодержавия.

Повествование Ключевского пробуждает ежесекундные размышления о восприятии текста строгими коллегами XIX века. Так, например, господствующий термин «учреждение» ученый использовал фактически в противовес «государственникам». Повод назвать думу «учреждением» в повседневной ее практике возникал редко⁴⁴. Смысловое поле этого слова Ключевский применил при изображении боярских комиссий и «боярской думы» в разрезе ее трансформаций XVII века или нескольких столетий⁴⁵. Терминология изучаемого предмета в XIX столетии была воспринята историками следующего века в основном в сторону ее упрощения в обзорных работах⁴⁶. Даже специальные исследования М. М. Богословского, А. А. Зимина — больших знатоков творчества В. О. Ключевского — отражают постепенное вытеснение обильных синонимичных слов неологизмом «боярская дума». Некоторые современные авторы сохраняют полный набор древних формул⁴⁷. Но в каждом сочинении эксплицитно проявляется несколько тенденций работы историков XX—XXI веков с терминологией, относящейся к думе. Они заметны и в специальных, и в обзорных учебных, и теоретических сочинениях. Понятие и термин «постоянное высшее государственное учреждение» экстраполируются на думу XVI—XVII веков. Она продолжает называться вслед за «государственниками» «учреждением» в изображении повседневной практики управления и службы бояр. Аутентичная лексика отнюдь не исчезает из исторических повествований, она максимально отдалается от современного мира читателя, знающего древние термины в закавыченном виде и открытые во всех смыслах неологизмы. Вот почему возникает массовое восприятие аморфности думы как несовершенства и «несложности» аппарата русского государства⁴⁸, списка

думных чинов как перечня штатных советников государя, разнородной практики боярской службы как обязанности «членов боярской думы».

Попытка дешифровки метафорических высказываний В. О. Ключевского в контексте исторического нарратива XIX века показывает, что ученый не противопоставлял поиск образной передачи изысканий аргументации научных выводов. Концептуальные задачи, поставленные в «Боярской думе древней Руси», «Курсе русской истории», решались неординарным мыслителем, обладающим редким талантом художника слова. Секреты влияния этих сочинений на историографическую культуру раскроются в большей мере, если исследовать анатомию образов историописания и методику освоения Ключевским архивных источников.

¹ См.: *Кукарцева М. А.* Начало лингвистического поворота в историописании // *Monstera*. № 4. Философские проблемы социально-гуманитарного знания. М., 2004; *Антощенко А. В.* «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самознания на путях истории). Петрозаводск, 2003. С. 74—107.

² См.: *Нечкина М. В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982. С. 7—9.

³ См., напр.: *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV веках // *Средневековая Москва*. М., 1997. С. 192—193, 304—305.

⁴ П. П. Гвоздеву — 3 сентября 1861 г. // В. О. Ключевский. Соч. в 9 т. Т. 9. М., 1990. С. 129.

⁵ *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 174, 241.

⁶ Первое книжное издание вышло в 1882 году, второе — в 1883-м, пятое — в 1919 году, после смерти Ключевского. Существует репринт издания 1902 года, выпущенный издательством «Ладомир», на который даются все последующие ссылки в этой статье. См.: *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. Репринт с изд. 1902, 1892 гг. М., 1994.

⁷ См.: *Чумаченко Э. Г.* В. О. Ключевский — источниковед. М., 1970. С. 128—130; *Александров В. А.* Послесловие // В. О. Ключевский. Соч. в 9 т. Т. 4. С. 349—351. М., 1989; *Он же.* Послесловие // Там же. Т. 5. С. 375—381.

⁸ Данную статью можно рассматривать в качестве одного из результатов размышлений автора после доклада «Высшие чины государева двора и механизмы обеспечения службы в России 1690-х — 1700-х годов», прочитанного в рамках Второй международной летней школы Дегюра (Париж, 12—24 сентября 2005 года). Благодарю Е. В. Анисимова, А. Я. Береловича, О. Е. Кошелеву, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова за насыщенные дискуссии, лекции и организацию школы.

⁹ Примеры из сочинений Ключевского: метафора («неразлучная правительственная спутница»), метонимия («емкие руки», «тесный комитет»), оксиморон («нищий богач»). См.: *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Его же. Соч. в 9 т. Т. 4. С. 136, 138. М., 1989; *Он же.* Разрозненные афоризмы. 1900-е годы // Там же. Т. 9. С. 440.

¹⁰ См.: *Никоненко С. В.* Аналитическая трактовка метафоры // *Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика*. СПб., 2003. С. 108—112.

¹¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории... Т. 4. С. 134—135.

¹² *Ключевский В. О.* Боярская дума... С. 404.

¹³ См.: *Калачов Н. В.* О Боярской думе Московского государства и ее до нас дошедших докладах и приговорах. Б. м. Б. г. См. также вариант: *Правительственный вестник*. 1884. № 9, 10.

¹⁴ Идея Н. В. Калачова об издании боярских приговоров не осуществилась. См.: *Шохин Л. И.* Об одном археографическом замысле Н. В. Калачова: (Подготовка издания

приговоров и актов Боярской думы и приказов) // Археографический ежегодник за 1985 г. М., 1986. С. 100—106; *Он же*. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. М., 1999. С. 83—95.

¹⁵ *Ключевский В. О.* Курс русской истории... Т. 4. М., 1989. С. 135.

¹⁶ Ср.: *Желябужский И. А.* Записки // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 258.

¹⁷ *Ключевский В. О.* Боярская дума... С. 440.

¹⁸ См. замечания об этом самого историка: *Ключевский В. О.* Боярская дума... С. 443—444.

¹⁹ Ср.: *Ключевский В. О.* Боярская дума... С. 135—136, 366; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соч. в 18 кн. Кн. 8. Т. 16. М., 1993. С. 316.

²⁰ См., напр., *Востоков А. А.* О делах Генерального двора // Опись документов и бумаг МАМЮ (далее — ОД и Б МАМЮ). М., 1888. Кн. 5, отд. 2.

²¹ См.: *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 39—40.

²² См.: РГАДА, ф. 210, Московский стол. Столбцы. Стб. 767, л. 311 и сл., 513 и сл., 654 и сл., 878 и сл.; Приказный стол, д. 2041, л. 13—21. <http://zaharov.csu.ru/povestki.pl> См. также письмо Ромодановского Петру I от 8 апреля 1698 года о вызове князя на боярский съезд, созванный кн. И. Б. Троекуровым: Письма и бумаги Петра Великого (далее ПБ). СПб., 1887. Т. 1. С. 726.

²³ РГАДА, ф. 210, Московский стол. Столбцы. Стб. 761, л. 47 и сл., 29 и сл., 44 и сл., 72 и сл.; Стб. 767, л. 238 и сл., 349 и сл., 378 и сл., 445 и сл., 562 и сл., 808, 812; ПБ. Т. 6. С. 129, 401.

²⁴ Также царские поручения «вершить с общаго совету» в консилиях объявлялись «министрами» И. А. Мусиным-Пушкиным, Т. Н. Стрешневым, Н. М. Зотовым.

²⁵ ПБ. Т. 5. СПб., 1907. С. 699. Письмо к царю от 23 мая 1707 года; Т. 6. СПб., 1912. С. 303. Письмо к царю от 18 августа 1707 года.

²⁶ См.: *Богословский М. М.* Петр I. Материалы к биографии. М., 1948. Т. 4. С. 252.

²⁷ *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский... С. 232—235.

²⁸ *Ключевский В. О.* Боярская дума... С. 406—407.

²⁹ Там же. С. 323.

³⁰ *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Его же. Избр. произведения. Л., 1979. С. 269.

³¹ Фрагмент «разговора» о представительстве нескольких человек для сочинения Уложения 1649 года. *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избр. произведения. Л., 1979. С. 127.

³² Там же. Фрагмент диалога об исправлении Уложения 1649 года и учреждении Расправной палаты царем Федором Алексеевичем, названной Ключевским «первым и единственным постоянным отделением думы» (см. *Ключевский В. О.* Боярская дума... С. 433).

³³ *Миллер Г. Ф.* Известие о дворянх [Российских] // Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 184, 215.

³⁴ *Ключевский В. О.* Боярская дума... С. 435. Ср.: *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей... С. 127.

³⁵ *Неволин К. А.* Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Полн. собр. соч. СПб., 1859. Т. 6. С. 137. Сочинение впервые опубликовано в 1844 году.

³⁶ Сергеевич критиковал Н. П. Загоскина, считавшего допустимым говорить «не только о нормальной думе, но целом ряде думных комиссий». См.: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. 3-е изд. Т. 2. СПб., 1908. С. 441—446, 456—457; *Загоскин Н. П.* История права Московского государства. Т. 2, вып. 1. Дума Боярская. Казань, 1879. С. 76—88.

³⁷ Для статистики исключались случаи употребления Ключевским термина «боярин» в обозначении отдельных персон, обладавших одним из четырех думных чинов, то есть не представлявших «думу» как совет при государе. Учитывались все парадигматические формы слов, кроме специально оговоренных случаев.

³⁸ Здесь и далее подсчет автора. Частота встречаемости слов в контексте «дума как совет бояр в различные годы и периоды XVII в. вне упоминания комиссий»

вне цитирования источников: «бояре» (только формы множественного числа) — 141, «совет» — 27 (вне сопоставления с «советами» XVIII — начала XX века), «сидение» — 1. Частота встречаемости тех же слов в аналогичном контексте при цитировании источников: «бояре» (только формы множественного числа) — 36, «совет» — 5, «сидени(ь)е» — 3.

³⁹ Частота встречаемости неологизмов в контексте «дума в различные годы и периоды XVII века, вне упоминания комиссий»: «заседание» — 46, «члены (думы, собрания думных людей и т. п.)» (только формы множественного числа) — 34.

⁴⁰ Частота встречаемости аутентичных терминов в контексте «дума в различные годы и периоды XVII века вне упоминания комиссий» вне цитации источников: «съезд» — 2, «палата» — 8 (без учета упоминаний о Расправной палате). Частота встречаемости тех же слов в аналогичном контексте при цитировании источников: «съезд» — 3, «палата» — 11 (без учета упоминаний о Расправной палате).

⁴¹ См., напр.: РГАДА, ф. 210, оп. 2 (боярские списки), д. 19 (боярский список 1680—81 гг.), л. 7 («сидеть в полате з бояры в думе»); РГАДА, ф. 210, Московский стол. Столбцы. Стб. 761, л. 29, 44, 47, 72. Стб. 767, л. 238, 311, 349, 378, 445, 513, 562, 654, 808, 812, 878. Приказный стол. Столбцы. Стб. 2041, л. 13—21. <http://zaharov.csu.ru/povestki.pl>.

⁴² Ключевский В. О. Боярская дума... С. 446.

⁴³ Там же. С. 406.

⁴⁴ В изложении последних семи глав «Боярской думы...» такой пример встречается трижды.

⁴⁵ Частота встречаемости слова «учреждение» в контексте «дума в различные годы и периоды XVII века» вне сопоставления с «учреждениями» XVI — начала XX вв. и вне упоминания комиссий — 3, в сопоставлении с «учреждениями» XVI — начала XX вв. — 17, с упоминаниями комиссий — 6.

⁴⁶ См., напр.: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 31—42, 48—65; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 2003. Т. 2. С. 118—127.

⁴⁷ См.: Шмидт С. О. Боярская дума // У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 388—438.

⁴⁸ См., напр., образец псевдонаучного мнения и пропаганды: Паїнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 142—145.